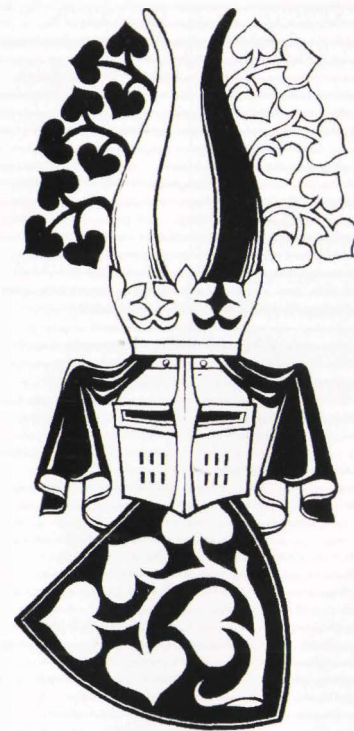

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

«Герб – это ключ истории».

Жерар де Нерваль,
«Анжелька», 1854 г.

Неужто историки боятся «флёр-де-лис» — королевскую геральдическую лилию?

Вопрос звучит диковато, но поневоле приходится на ум всякому, кто узнает, сколь убога библиография на эту тему. А ведь речь идет о подлинном историческом явлении, имеющем в одно и то же время политическое, династическое, художественное, эмблематическое и символическое значение. Но предмет этот далеко не нейтрален, и мешавшие его исследовать идеологические предрассудки сложились во Франции, видимо, вскоре после рождения Республики.

Печать го-
рода Лилля

Сами геральдисты и до сего дня нередко предпочитают уходить от разговора на эту тему и предпочитают не видеть в символе французской монархии плоды многовековых трудов, увенчавшихся синтезом, более чем достойным внимания исследователей.

Документов, которые стоило бы изучить, достаточно много: геральдическая лилия использовалась с XII по XIX в. и претерпела за это время множество приключений. Эрудиты Старого Режима [...] расчистили исследовательскую площадку и собрали немало материальных свидетельств. Их работы, несколько старомодные, во многом устаревшие и нередко простодушные, тем не менее, превосходят сочинения много печатавшихся «полиграфов» XIX – нач. XX в.

Цветистые речи последних зачастую топчут геральдический цветок в политической воинственности или скрывают его под разглагольствованиями, притязавшими на эзотеричность. Самое время медиевистам обратиться к разысканиям и документам и опереться в своих исследованиях на научную проблематику, чтобы мы смогли увидеть столь же солидные и плодотворные труды, как те, которыми мы уже располагаем и которые, в частности, посвящены истории германского орла, английского леопарда, бельгийского и нидерландского львов или скандинавских крестов.

Большинство авторов, писавших о происхождении геральдической лилии и о том, как складывалась ее графическая форма, сходятся на том, что к природной лилии облик лилии геральдической имеет мало отношения, но постепенно выработался из – тут мнения расходятся – образа ириса, дрека, лотоса, утёсника, а то и – если учесть самые

Герб Франции с изломом. На следующей странице – герб дофина

диковинные предположения – из трезубца, стрелы, секиры, даже голубки. Все это, по-моему, не очень серьезно. Существенно то, что речь идет о фигуре стилизованной, несомненно о цветке, который в качестве декоративного мотива или эмблематического атрибута использовался во многих обществах Старого и Нового Света. В самом деле – этот цветок обнаруживали на месопотамских цилиндрических печатях, египетских барельефах и микенской керамике, а также на галльских монетах, сассанидских тканях, одеяниях американских индейцев и японских эмблемах. При этом, однако, символический смысл, придававшийся цветку в различных культурах, был не одинаковым. Где-то геральдическая лилия обозначала чистоту и девственность, где-то знаменовала изобилие и плодородие, еще где-то – власть и независимость.

Древнейшими образчиками цветка, походившими на эмблему, распространенную в Европе в Средние века и после них, считаются изображения на ассирийских барельефах III тысячелетия

до н.э. ими украшены тиары, ожерелья, скипетры, и похоже, что цветок воспринимался как атрибут царственного величия. Сходные изображения, созданные несколько позже на Крите, в Индии и Египте, видимо, играли ту же роль. Затем лилия появляется на греческих, римских и галльских монетах. Однако если у греков и римлян на разных монетах цветок выглядит неодинаково и об устойчивом образе говорить трудно, то у галлов он почти всегда очень похож на хорошо знакомую нам геральдическую лилию.

Мариологический атрибут

Сохраняя достоинство царственного атрибута, геральдическая лилия в начале Средневековья имела еще мощный христологический аспект. Истоки такой трактовки восходят к библейской Песни Песней, к стиху, многократно цитированному Отцами Церкви и богословами: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!» (Песн. 2:1). Вот почему до XIII в. нередко посреди лилии или стилизованной розетки изображали Христа.

Постепенно на это христологическое содержание накладывалась символика поклонения Богородице, по мере становления культа Пречистой Девы и в соответствии со следующим библейским стихом: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (Песн. 2:2). К тому же и во многих иных местах Песни и в других книгах Писания тоже упоминается лилия – как символ чистоты и целомудрия.

Мало-помалу лилия превратилась в атрибут Девы. Первые свидетельства тому предлагает нам нумизматика: на монетах XI–XII вв., которые чеканили епископы, кафедрой которых располагались

в соборах, посвященных Деве Марии, цветок чеканился на ребре или реверсе монеты. Потом капитулы самих соборных церквей ввели в обиход печати с изображением Пречистой Девы, держащей лилию в правой руке. Примеры: собор Парижской Богоматери – 1146 г., а также соборы Богородицы в Нуайоне –

1174 г. и Лаоне – 1181 г. Вскоре епископам начали подражать аббаты, а затем и приоры – настоятели не столь значительных монастырей. С тех пор количество изображений Девы Марии с лилией или окруженной лилиями становится неисчислимым. Порой это стилизованная виньетка, порой – садовая лилия, подчас – настоящая геральдическая лилия. Иногда Дева изображалась с державой, в венце или в ризах из лилий или украшенных стилизованными лилиями, либо изображениями геральдических лилий. Пик этого поветрия пришелся, похоже, на XIII в. К концу Средних веков с геральдической лилией как атрибутом Девы Марии стала со все большим успехом соперничать роза. Похоже, что цветок любви в ту пору сильно потеснил цветок девственности.

Лилия Капетингов

Время, сопутствующие обстоятельства и смысл решения королей Франции, избравших своим знаком лилию, остаются спорными. Некоторые авторы обращаются к глоссам второй половины XIII в., тогда как литературные сочинения на протяжении всего следующего столетия – по большей части написанные ради доказательства законности притязаний на престол рода Валуа – объясняют, что король Франции «носит герб с тремя цветками лилии как знаменование Троицы: ибо через ангела Божия посланы они были Хлодвигу, первому христианскому королю. [...] и ангел велел ему стереть трех жаб, которые были на щите, и поместить на очищенное место три лилии».

Это сказание к концу XVI в. получило очень широкое распространение. Три цветка мыслились к тому времени не иначе, как только знаменование трех добродетелей: веры, мудрости и рыцарственности благородства (это толкование восходит к эпохе Людовика Святого, когда так объясняли наличие у геральдической лилии трех лепестков), а сама лилия – это символ Троицы, которая покровительствует королевскому дому Франции. Три геральдических лилии были испосланы небесами Хлодвигу, первому королю и основателю монархии, как раз тогда, когда он обратился в христианство, заодно обзаведясь новым гербом: лилии заменили жаб – а последние суть фигуры явно дьявольские – и он начал носить новый герб с лилиями в преддверии крещения.

Предание это выказало замечательную живучесть. Никакие удары, наносимые по нему эрудитами XVII в., не помешали его возрождению под перьями историков XIX в. Сегодня, понятно, никто не оспа-

рнвает выводы эрудитов Старого Режима. Нигде в Европе до первой половины XII в. никто ни о каких гербах не слышал, да и король Франции был далеко не первым государем, воспринявшим это изобретение. Надо было дождаться 1211 г., чтобы увидеть на печати изображение принца из рода Капетингов с лилией на щите. И князем этим был вовсе не король Филипп II Август (1180 – 1223) лично, но его старший сын, принц Луи, будущий Людовик VIII (1223 – 1226). [...]

Воспринять новое поветрие помогло влияние аббата монастыря Сен-Дени Сугерия (1081–1151), бывшего советником Людовика VI (1108–1137) и Людовика VII (1137–1180), и св. Бернара Клервоского (1091–1153). Оба представителя высшего духовенства внушали обоим монархам особенное почитание Пречистой Девы и уговаривали их предать королевство Франции под Ее покровительство. И сначала Людовик VI, а затем Людовик VII мало-помалу начали выводить этот цветок на символическую сцену; позднее лилия заняла особое положение в эмблематике французской монархии. Во второй половине царствования Людовика VII – самого благочестивого из старших Капетингов – идеологическое использование цветка заметно усилилось. Уже тогда короли Франции пользовались лилией чаще и охотнее, чем любой иной государь христианского мира. Наконец, когда несколькими десятилетиями спустя, в начале царствования Филиппа II Августа решили подобрать эмблему для королевского герба, естественно было сразу вспомнить о фигуре, которая уже при двух королях прочными узами связала дом Капетингов с Пресвятой Девой. Отныне, подобно Богоматери, с которой он

разделял общий флоральный атрибут, король-Капетинг мог по истинному праву притязать на посредничество между небесами и землей, между Богом и подданными своего королевства. [...]

Разделенный цветок

Король Франции, его семейство и чиновники были не единственными лицами, носившими на своих щитах изображение лилии. В конце XII в. этот цветок превратился в одну из тех геральдических фигур, которые в изобилии распространились по всей Западной Европе.

В подавляющем большинстве случаев наличие геральдической лилии на щите не означает ничего особенного и разве что указывает лишь на частоту распространения этой фигуры среди прочих подвижных геральдических фигур.

Лилия нередко играла в гербах ту же техническую роль, что и мелкие фигуры наподобие звездочек, безантов (фигура в форме круга), колец, полумесяцев, дроздиц (изображение стилизованной птицы без клюва и лап): она сопровождается или нагружается геометрическими долями, которые заполняются одноцветными полями.

Более того, есть гербы, на которых геральдическая лилия служит гласной фигурой. Такая связь может выстраиваться между словом *flos* (лат. *flos* – цветок) и именем города – как в гербе Флоренции, или же обыгрывается слово *lilium* (лат. *lilium* – лилия) – как в гербе города Лилля, на печатях которого цветок появился еще в конце XII в. и остается до сего дня.

Мишель Пастуро, «Король с цветками геральдической лилии», – статья в журнале *L'Histoire*, январь 1995 г.

Орел и лев на средневековых гербах

Гербы как эмблемы сильно нагружены многими сопутствующими смыслами и потому представляют собой одну из знаковых систем. Поэтому они легко поддаются изучению с помощью количественных методов, что позволяет отображать результаты исследования в виде таблиц, диаграмм или карт. Карты особенно наглядно показывают, как и с какой частотой те или иные цвета либо фигуры распространялись от страны к стране, от области к области, причем на карте можно отобразить также и влияние деления общества на классы и категории.

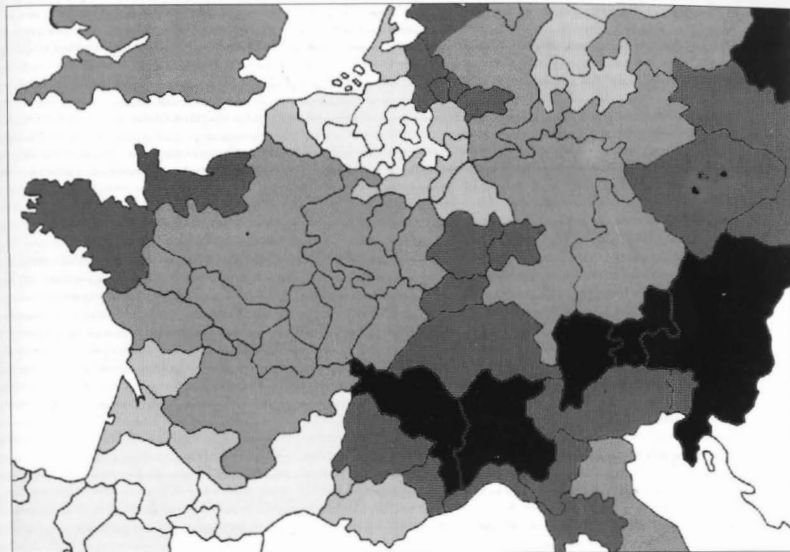
Картографическое представление показателей частоты распространения тех или иных гербовых фигур зачастую оказывается настоящим откровением. Две приведенные здесь карты отображают распространенность орлов и львов в гербах по всей Европе. Они составлены на основании статистического обследования примерно 25000 средневековых (XII–XV вв.) гербов.

Показанные на карте границы – это границы главных фьефов или групп фьефов в конце XIV в. Несмотря на различие в количественных показателях (лев по распространенности намного опережает все прочие фигуры), карты четко показывают, что повсюду, кроме Испании, регионы, богатые львами, бедны орлами и наоборот. В средневековой геральдике оба существа по сути дела враждовали друг с другом, будучи инсигниями мощных властных сил. В XIII в., похоже, вся Европа делилась на части орла (сторонники императора) и льва (партия его противников), так что большинство сеньоров, принявших щит со львом или, напротив, с орлом, руководствовались в своем выборе соображениями политического характера.

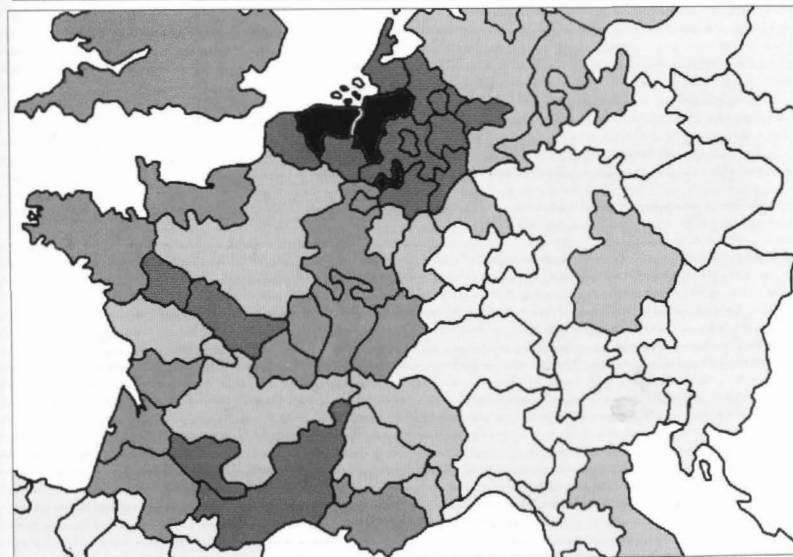
Наряду с противостоянием орла и льва в эмблематике Средневековья возникли и другие распри. Известна также борьба медведя с вепрем, отображавшая противоречия между кельтскими и германскими странами в лоне единой цивилизации раннего Средневековья.

Мишель Пастуро, «Новая геральдика», –
статья в журнале *Pour la science*,
ноябрь 1977 г.

Гербы с орлом: более 15%; 12–15%; 5–12%; менее 5%.
Гербы со львом: более 70%; 60–70%; 50–60%; 30–50%; менее 35%.
(Чем выше доля соответствующих гербов, тем более темным цветом закрашена территория.)

Доля гербов с орлами (вверху) и со львами (внизу) в общем количестве звериных гербов на той же территории.

Геральдика во французской словесности

Многие прозаики и поэты описывали гербы в своих произведениях. Но далеко не все литераторы были сведущи в правилах гербовой науки. Одни, подобно Рабле, не упускали случая посмеяться над гербовыми герольдами. Другие, подобно Бальзаку (начиная с 1839 г.), описывая гербы, консультировались со специалистами, чтобы избежать досадных ошибок.

Герб Монтеня

Цвета и одеяния Гаргантюа

Цветаи Гаргантюа были белый и синий. Понимаю, что, читая эти слова, вы сразу же вспоминаете то, чему научены: мол, белый обозначает веру, а синий – стойкость. [...] Да кто вам сказал, что белый – это вера, а синий – стойкость? А в книжке вы это прочли, потрепанной такой, ею вы у какого-нибудь коробейника разжились, они сбывают ее под названием «Гербовая наука о колерах». Угадал? А если она даже завалась как-то иначе, то никак из робости – постеснялась, зная, принять такое имя.

Рабле, «Гаргантюа», 1535 г.

Во времена героические

Героические времена

Тот, кто хотел показать свою доблесть. Носил на том снаряжении, которое одевал, Или на своем щите нечто узнаваемое...

Чтобы таким образом дать знать о своей боевитости.

Кто выбирал для себя змею, кто – льва, еще кто-то –

●рла, леопарда... И так вот слобрый миллион За минувшие с тех пор, как это узнали и научились этому, века

Появилось подобных пород выбираемых знаков.

Фонсар, «Послание к Рене де Санве», 1550 г.

Суетное тщеславие разночинцев

Уж такое оно, это простонародье несчастное, и до того ему скверно и неуютно, и так оно тоскует от неустроенности своей. ежели нету герба, да еще такого, чтоб на щите некая благородная часть имелась, и щитодержатели по бокам, и гребень, и девиз, а то и клич боевой – почему бы и пет? [...]

Лабрюйер, «Характеры», 1688 г.

Гербы для Франции

Серьезные люди ищут герб или, скорее, «гербы» для Франции. Звери уже разобраны. Лев достался Испании; орел пробуждает страшные воспоминания; петух из нашего курятника слишком зауряден и может нам понатворить метафор от дипломатин. По правде, нужна старинная – «античная» – птичка. Иначе говоря, надо выстроить новый дом, но так, чтобы он был старым.

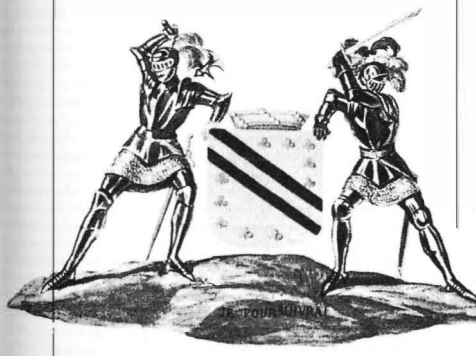
Я бы предложил две цифры – 29. Да, это оригинально, и великий день 29 июля [Итальянская революция 1830 г.] уже блистает таким античным героизмом, который прогоняет любые насмешки.

Стендаль

Письмо главному редактору газеты «Глоб», 1830 г.

Человеческая комедия

Этот щит восхитил бы любителя геральдического искусства своей простотой, которая доказывала гордость, древность рода. Слово бы герб пришел на свет в тот самый день, когда крестоносцы христианского мира только что изобрели эти опознавательные знаки. Геник никогда не рассекался на четыре части, но всегда как будто бы оставался тем же самым, как тот

герб, что принадлежит дому Франции и обнаруживается знатоками в изломанных или четверочастных гербах, посеянных в гербах стариннейших родов Франции.

Бальзак, «Беатрикс», 1839 г.

Гербы Германтов

Я вновь осмотрел герб, нарисованный на цоколях витражей Комбре, четверти которого заполнялись столетие за столетием, всеми теми сеньориями, что похищались, посредством брачных союзов или приобретений, этим блистательным домом во всех углах Германии, Италии и Франции: необъятные земли на Севере, могущественные города Юга, – все они влеклись в Германт, где соединялись и сочетались друг с другом, и, теряя свою вещественность, аллегорически выписывались на его донжоне зеленою или на замке серебром на лазурном фоне.

Марсель Пруст, «По направлению к Свагану», 1920 г.

Внизу – воображаемый герб Растиньяка. Вверху – герб Рюампре (девиз *Quid me continebit* – лат. Кто со мною потягается)

Разбирательство в суде из-за гербов, случившееся в XIV в.

В XII и XIII вв., когда гербы еще отличались простотой (одна фигура, два цвета), бывало, и очень нередко, что два рода, никаким родством между собой не связанные, имели похожие гербы. И никого это не задевало. Но уже в XIV в. такое неудобное сходство давало повод к сильным переживаниям и, значит, распрям, и чем дальше, тем подобных раздоров становилось больше.

Слева и справа: Представление гербов гербовым герольдам.

Одной из наиболее интересных и важнейших в истории геральдики в Англии считают тройственную тяжбу между Скрупями, Гровенорами и Карминоу. О деле этом за пределами Англии знают мало.

В 1385 г., когда король Ричард II вторгся в Шотландию, двое его рыцарей – сэр Ричард Скроуп из Болтона, что в Йоркшире, и сэр Роберт Гровенор из Чешира – обнаружили, что у них одинаковые гербы: «*dazure ove bende dore*» – перевязь золотом на лазури (старофр.). Скроуп подал иск, но Гровенор стоял на том, что сэр Гилберт Гровенор прибыл в Англию с Вильгельмом Завоевателем при этой самой золотой перевязи, и с тех пор все его потомки всегда ее носили. Дело рассматривала «Военная Курия» – рыцарский суд, заседавший под водительством коннетабля Англии. Сотни свидетелей предстали перед курией, и среди высказывавшихся в пользу Скроупа Джон Гонт, король Кастилии и герцог Ланкастер, его сын Генри (впоследствии король Генрих IV) и поэт Джеффри Чосер. Тяжба затянулась. Наконец, в 1389 г. констебль решил спор в пользу Скроупа, но с пожалованием Гровенору права на ношение «*les ditz ove un plain bordure d'argent*» – герба с простой (сплошной) каймой серебром. Решение не устроило ни Скроупа, ни Гровенора, и этот последний обратился к королю. Ричард II огласил личное суждение свое 27 мая 1390 г., подтвердив право Скроупа на золотую перевязь и отменив решение констебля, разрешившего Гровенору носить такую же перевязь, но «изломанную» серебряной каймой. Излагая причины, побудившие его отменить разрешение констебля, король объяснил, что «подобная кайма не есть такая бризура, которая приличествовала бы двум семействам, кои не состоят в родстве, но обитают в

одном и том же королевстве, она удобна только в случае родов, находящихся в очень тесном, двоюродном родстве».

Многие свидетели ратовали за третьего соискателя, Томаса Карминоу из Корнуэлла, носившего «перевязь золотом на лазури» в 1360 г. в походе во Францию. По такому случаю Гровенор уже оспаривал право Карминоу на ношение подобного герба. Мало что можно сказать об исходе этой тяжбы, но очевидно, что оба соперника продолжали носить один и тот же герб, не внося в него никаких «изломов». В другой раз, во время той же военной кампании, Карминоу вызвал (*cbalangea*) Скроупа, оспаривая права последнего на золотую перевязь. Суд на этот раз был скорым: констебль при помощи шести рыцарей потребовал от обоих обосновать их права на герб. Как сообщали судьи, Карминоу доказывал, что все его пра-

щурь носили герб с золотой перевязью со времен короля Артура, тогда как Скроуп возводил древность своих прав всего лишь ко временам Завоевания (1066 г.).

После суда 1390 г. Скроупы и Карминоу не прекращали носить золотую перевязь безо всяких изменений. Гровенор, однако, был вынужден переменить свой герб. Он выбрал для своего герба щит «на лазури сноп золотом». Этот герб ныне носит его потомок – герцог Вестминстерский.

Отдельные современные авторы утверждают, что Карминоу и Гровенор погибли в этой расправе, убив друг друга. На самом деле все споры были решены юридически.

Х. С. Лондон, «Распря Скроуп-Гровенор-Карминоу», статья в геральдическом издании *Archives héraldiques suisses* (Швейцарские геральдические знаки).

Уничтожение «знаков феодальности»

В 1790 г. Французская революция решила запретить гербы, как «знаки феодальности». Но до казни королевской четы существовало исключение:

«объекты художественного интереса». Это исключение просуществовало только до осени 1792 г., когда начался настоящий «геральдический террор», свирепствовавший на протяжении всего 1793 г. и направленный против всякой подвижности и недвижимости, украшенной гербами, знаками благородного происхождения или монархическими эмблемами.

1793 г., 12 октября – Париж.
 Протокол заседания
 Комиссии по искусствам и памятникам.
 Коммуна Парижа.
 К гражданам
 Извлечение из протокола,
 зафиксировавшего обмен мнениями
 между управляющими Комиссии
 общественных работ касательно
 искусств и памятников.

От гражданина Авриля,
 18 брюмера 2-го года.

От 21-го дня 1-го месяца второго года
 Республики, единой и неделимой.
 «Один член обратил внимание собравшихся на то, что в проходах Национальных дворцов Тюильри и Лувра есть таблички с геральдическими лилиями.

Он же заметил, что в Монплеизр есть решетки, отягощенные знаками феодальности в меди и позолоченной бронзе.

Собрание, имея в виду наличие указа, предусматривающего способствование исчезновению знаков феодальности и всех геральдических лилий, решило:

1° что названные таблички в проходах будут перевернуты;

2° что решетка Монплеизр будет уразднена и подвержена этим операциям с соизволения гражданина контролёра Национального дворца.

Затем гражданином Аврилем было зачитано прошение по поводу кладбищ, имеющих быть устроенными вне больших городов, и касательно памятника Инвалидов. Чтение прошения сопровождалось оживленными рукоплесканиями собравшихся, и собрание постановило в двадцать третий день первого месяца второго го-

Герб Парижа под фригийским колпаком, 1792 г.

*Renvoyé à la commission
 des travaux publics avec
 invitation de faire supprimer les
 les signes de féodalité
 relatifs aux conformances
 à la présente adresse*

Граждане требуют уничтожения герба на гостинице Сансерр да передать его в Генеральный совет для прочтения и призвать Совет к последующему ходатайствованию на этот счет перед Национальным Конвентом.

Гражданин Амейон представил собранию имевший у него список обнаруженных в различных районах Парижа знаков королевской власти и феодальности, которые следует как можно скорее уничтожить.

Он указал сначала на надпись о правлении Людовика XV, находящуюся на обшивке небольшой пристани Орме.

Затем о бесчисленном количестве геральдических лилий, обнаруживающихся то там, то сям на всем пространстве дома, прежде называвшегося Целестинским, который бесконечно важно очистить от всех тех изображений, что покрывают потолок большого зала, где собиравлись бывшие секретари бывшего короля. Они написаны золотом по лазоревому фону. Он спросил, нельзя ли покрыть потолок слоем белой или желтой краски; потом он добавил, что в том же

памятнике есть еще три колокольни, украшенные крестами с окончатиями в виде геральдических лилий: витражи отягощены геральдическими лилиями, как в часовне незрячих, так и в церкви и в одном из залов.

Он объявил также, что на улице Розье, в Марэ, рядом с большими воротами под №37, есть камень с надписью готическими буквами, которая начинается со слов: «Отселе начало фьефу Людовика, и проч.»

Он завершил, наконец, свою речь рассказом о том, что на улице Гренелль, что в предместье Сен-Жермен, на перкви Сен-Шомон и на церквях, принадлежавших бывшему ордену кармелитов, многие кресты отягощены весьма заметными геральдическими лилиями.

Один из членов заметил, что таковые надлежит уничтожить.

Один член сообщил собранию, что мировой судья секции Арсенала спрашивает, нельзя ли стены, где заседает трибунал, покрыть республиканскими оboями, вместо того, чтобы снимать то, что полагается снимать».

Подписано: Авриль, управляющий общественными работами и председателем

Кулаμπο, секретарь суда.

С подлинным верно,

Кулаμπο, секретарь суда.

Маршал де Ноай замешкался с удалением своего герба со своего дома в Париже.

*J'ai reçu votre lettre, Messieurs, au sujet du
 retard que vous m'assurez que j'ai mis à faire ôter
 les armes de la porte de ma maison à Paris, vous
 avez été mal informés, car le jour que le décret de*

Японский «мон»

Среди различных эмблематических систем, имеющих хождение в незападных обществах, именно знаки традиционной Японии сильнее всего волнуют неожиданным сходством с европейской геральдикой. К тому же, как и на Западе, именно в XIII в. эмблемы, до тех пор чисто индивидуальные, стали семейными и наследственными. Однако есть и серьезные различия между европейскими гербами и японскими «монами».

Японскому геральдическому искусству свойственна большая гибкость и свобода выражения: фантазия собирает символы в самые неожиданные сочетания. Словно бы художник не скован никаким кодексом, не блюдет никакой «грамматики» и дает вольную волю своим грезам. И все же он строит свой рисунок, заботясь о некотором геометрическом равновесии, и при этом мастер сохраняет преемственность с предшественниками и хранит верность некоей традиции, требующей определенной стилизации художественных форм. Есть у него и терминология, отвечающая его целям и позволяющая не только обозначить подвижные элементы и их положение, но и описать все строение в целом. Щит – «мон», чаще всего круглый, бывает также квадратным, прямоугольным, ромбовидным, шестиугольным или в виде шестиугольника с изогнутыми краями или скругленными углами, как на панцире черепахи. Во всяком случае, если мон изображается на ткани или служит в основном декоративным целям, края его ослабляются. Совсем как западный геральдист, живший до XVI в., японец страшится пустоты и заполняет щит подвижными элементами, придавая им и самому щиту определенную форму. Из-за этого гроздь глицинии, взлетающий журавль или мотылек на рисунке подчиняются правилу, требующему сходства с закругленным пятном; округление щитов в гербовнике Гелрэ (XIV в.) приводит к тому же; контуры льва или орла остаются похожими на треугольник.

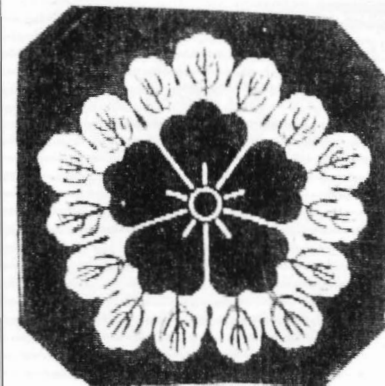
Японская геральдическая наука не ведет сечений и делений; композиция большей части гербов проста и включает в герб мало чего еще кроме подвижных элементов, обыкновенно двух или

трех, и очень нечасто таких элементов бывает больше. Правда, соединение в одном моне нескольких фамильных гербов, по причине каких-то соглашений либо союзов, встречается нередко. К тому же, хотя в Японии и нет гербов, характерных для целых кланов, в том смысле, как это свойственно Шотландии или Польше, влияние некоторых важных родов – «домов» – чувствуется в гербах домов менее важных и находящихся в зависимости от первых: гербы вассалов, как и в Европе, похожи на гербы патронов или даже получают из них посредством видоизменения. Возможна и региональная классификация монов – ввиду наличия характерных особенностей у монов одной и той же области.

Движимость выделяется на золотом или черном фоне посредством изображения предметов китайскими лаковыми красками: бывает и наоборот: фон – лаковый, а движимые элементы написаны золотом или черной тушью. Цвета употребляются редко, но подчас применяются синие, голубые, красные, коричневые и зеленые краски. Чаще всего цветами подчеркивают внешние контуры плоского изображения, но на знаменах яркие краски вступают в громоздкий хор, как бы пытаясь перекрыть фоновые цвета – желтый и белый.

Фигуры

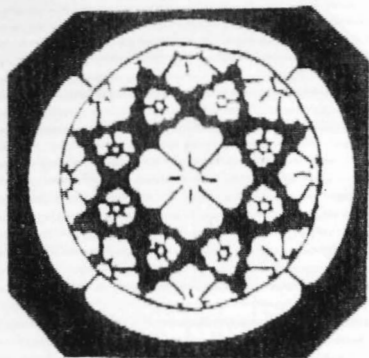
Движимость столь же многочисленна, сколь и разнообразна: однако такие геометрические фигуры, которые у нас называются «почетными геральдическими фигурами», встречаются нечасто. Вертикальные и горизонтальные полосы, слышущие в европейской гербовой науке «столпами» и «поясами», японцы обозначают просто числительными: «итто-

Мон фамилии Ода.

итто» = 1, «футаитто» = 2 и «митто» = 3, – соответственно числу таких элементов. Крест тоже называется числительным – «то», что значит «десять», но это потому, что идеограмма, обозначающая десяток, крестообразна. Что поразительно, так это то разнообразие крестов, которое производят японцы из этой немудреной фигуры: кресты урезанные, с «удвоенными» перекладинами наподобие арабских цифр «11», с перекладинами, окончания которых напоминают буквы «Г» или «Т», с окончаниями заостренными или в виде крестиков и т. п. Так что когда святой Франциск Ксавье добрался до Японии, он сначала растерялся перед обилием символов нашей веры на гербах семейств, далеко не христианских. [...]

Если «монсё» военной знати распознается по воинственным атрибутам, монны придворной аристократии украшались изображениями цветов, растений, насекомых и зверьков. Цветок хризантемы о шестнадцати лепестках – «кику» – это эмблема Империи: царственная фамилия пользовалась цветком павловнии,

Мон фамилии Токудаидзи

по-японски «кири», восхищавшим красотой своей тройчатой пирамидальной кисти, по 5, 7 и 5 бутонов в каждом из трех тирсов. Императоры жаловали право на «кири» множеству своих даймё в награду за какие-то особые заслуги – мотив, как видим, тот же, что и у королей Франции, за то же удаивавших своих приближенных привилегией на пошение геральдической лилии. Так, Асикага Такаудзи, могущественный васал сёгуна, но перешедший в 1333 г. на сторону императора Годайто, получил за это от государя привилегию на ношение «кири» на своем гербе.

Заглянув в японский гербовник, например, в «Хэйан Монкан» (1953 г.), любопытствующий словно бы попадает в цветущий сад: цветы и растения всевозможных родов и видов, изображенные в весьма утонченной технике и – в бутонах, распускающимися, в полном расцвете, сверху, сбоку и в иных ракурсах. Вот глициния – «фудзи» – с кистями, выложенными кругом или свернутыми в спираль рядом цветки вишни (сакура), сливы (умэ), пиона (ботан), гвоздики

(надэсико), горечавки (риндо), ириса (какицубата), омелы (хоя), коробочка чайного цветка (тянами), маленький апельсин (ташибана), клевер (катабами), листья мальвы (аои), плюща (кута), бамбука (саса), такие пряности, как пряная гвоздика (тёджи) или имбирь (мёга), а потом конопля (аса), рис (инэ – на корню и абанэ-инэ), туютник (куванокки), японский кедр или криптомерия (суги), кленовые листья (казэдэ-мамидзи), пальма (сюро) и т. д.

Если это или что-то похожее и есть в европейских гербах, то лев (сиси), например, у японцев редок, а то, что он так странно выглядит, объясняется всего лишь тем, что лев, в сущности, зверь в Японии неведомый. Лошадь (ума) всегда «весела» – потому что без седла и без узды. [...] Собака (ину), коза, лань (сика), обезьяна (сапу), вепрь (иносиси) попадают не слишком часто. Среди малорослых зверей мастера монсё больше всего любили кролика (усаги), изображая его анфас и в профиль и целыми стадами, часто только затем, чтобы на гербе не оставалось непереносимо большого пустого места. При умножении количества кроликов их расположение бывало очень прихотливом: пару изображали лицом к лицу, тройку – «вилообразным крестом», бывало и что за такой конфигурацией пририсовывали парочку кролей поменьше. Крысы (нэ), черепахи (камэ) и летучие мыши тоже находят для себя место на японских гербах.

В отличие от европейских гербов, звериные головы или лапы не встречаются: животное изображается только целиком. Правда, мон может быть украшен оленьими рогами, но безо всякого намека на олений череп: пара рогов развер-

нута вперед и называется «дакидзуню» – «обнимающие рога».

Из птиц заметен журавль (цуру), а дикий гусь (кариганэ), похож, условностью своей, на западную «дроздинку», встречаются также голубь (хато), воробей (судзумэ) и петух (ниватори) [точнее – курица]. Насекомые представлены бабочкой («тётё») и стрекозой («тамбо»). Бабочка с распахнутыми крыльями называется у японских геральдистов «ёромтё», а в профиль, в полете – «агханомтё».

Закончим перечень японского зверинца морскими существами: в бестиарии числятся рыбы (сакана), омар (эби), одностворчатая раковина Сен-Жака (ити-итая), другая съедобная ракушка (химагури) и еще, своего рода арфа, изображаемая с иподу (садзаэ). [...]

Живая геральдика

По ходу своего путешествия по Японии я имел возможность убедиться в том, до какой степени процветает геральдическое искусство: гербы – часть повседневной жизни, есть художники, зарабатывающие составлением гербов, а в больших городах, особенно в Токио, Киото, Нагое и Осаке, геральдисты объединены в синдикаты.

В Киото специализированная библиотека устроила для меня встречу с геральдистом-профессионалом. Г-н Тиёсо Хиросэ – президент Профессионального союза искусств и вице-президент Всеобщего объединения японских геральдистов, это – федерация профессиональных союзов специалистов по гербам.

Корпорация, к которой принадлежит Хиросэ-сан, производит рисунки и чертежи, предназначенные для самых разных целей, в том числе и для составления гербовников. Так, упоминавшийся альбом «Хэйан Монкан» («Зеркало Хэйанских гер-

бов») издан в 1953 г.: титанизм этого профсоюза. Другая важная сторона его деятельности – изготовление трафаретов, помогающих наносить гербы на шелк и хлопок. Прежде чем будущий геральдист сможет приобрести нужные технические навыки, он должен проработать пять-шесть лет в ученичестве, и лишь потом его допускают непосредственно к учебе. Трафареты делаются из особой бумаги, смазанной маслом растений *Perilla ocimoides* и вязющим соком «сибу», извлеченным из зеленых плодов «каки». Трафарет вырезается резцом, что требует от художника и терпения, и умения.

Так что в то самое время, когда Япония бурлит, горячечно продвигаясь вперед в политике, экономике, науке, технике, старинное искусство составления гербов не только не увядает, но продолжает процветать, с успехом приспосабливаясь к условиям нашего времени.

На заре XX в. Х.Г. Штрёл в во введении к своему исследованию на соискание степени магистра «*Japanisches Wappenbuch*», «*Nihon Monsho*», утверждал, что в Японии есть только личные гербы: мол, эмблемы городов или корпораций неизвестны. Так оно и было. Потом этот пробел заделали: в упоминавшийся гербовник «Хэйан Монкан» 1953 г. включены гербы 149 городов. Выглядят они сверхсовременно: исполнены они, как правило, в абстракционистском духе, в сухой манере, и лишь кое-где попадаются привычные цветочки.

Только горечавка, напоминающая о сёгунатах Минамото и Камакура, сохраняется, как дуновение былой старины, а бабочки, воробьи, дикие гуси и журавли улетели.

Рене Ле Жюг де Сегре, статья «Японская геральдика» в каталоге выставки «Эмблемы, тотемы, гербы», действовавшей в музее Пиме с марта по июнь 1964 г.

Язык знаков

Есть ли такой язык, который поймут люди самых разных обществ? Нет, наверное. Но есть знаки, берущие на себя функцию речи в том хотя бы, что указывают на место отдельного человека или группы в совокупности других людей, либо групп в устройстве некоторого общества. Пьер Франкастель, которого в 1964 г. попросили написать предисловие к каталогу выставки, посвященной «эмблемам, тотемам и гербам», подчеркивает, что знаки «откликаются и начинают говорить», стоит лишь обратить на них внимание, и всегда говорят – сообщают – много больше, чем слова, предназначенные для того же.

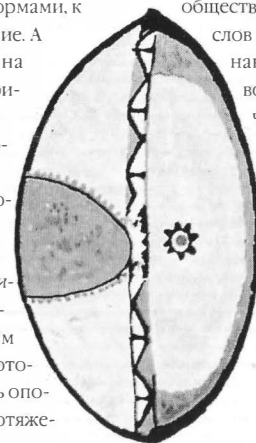

Нубийский воин из Судана и его щит.

При осмотре выставки очень скоро замечаются две вещи. Во-первых, что без предварительного истолкования посетителю совершенно невозможно самому понять или восстановить код, который бы позволял приписать определенный и точный смысл каждому опознавательному знаку. Для каждой группы выставленных предметов нужен свой особый комментарий. Все же очевидно, что без знания и понимания каких-то элементов невозможно перевести на понятный язык скрытые в подобных знаках и их системах ценности. Мы с первого же взгляда улавливаем, что они до такой степени значимы для нашего личного опыта и настолько неотъемлемы от наших переживаний, что мы сразу же бываем в состоянии выстроить своего рода лестницу, установив среди рассматриваемых объектов иерархию ценностей, скрывающихся за этими знаками. И это благодаря восприятию неких меток, которые чаще всего, как затем выясняется, и оказываются теми самыми значащими признаками, представляющими интерес для нас. Этнологи помогают нам разобраться с подобными наблюдениями.

В частности, Клод Леви-Стросс обращает наше внимание на то, что примитивные люди обладают ошеломляющими, на наш взгляд, способностями делать метки с помощью таких указателей, которые не укладываются в нашу основную на вербальной логике систему языка и анализа. Примитивные люди воспринимают мир непосредственно, глобально и визуально, причем целостно, а не дробя воспринимаемое на составляющие, которые они, впрочем, замечательно различают. Они, например, сразу же замечают отсутствие одного из

участников в группе из охотников и собак. На более высокой степени развития это умение цельного и прямого восприятия фигуративных порядков, не замечаемое до сих пор формальной логикой, сохраняется. Достаточно указать хотя бы на то, что сегодняшний человек по-прежнему нуждается к информационному усилению ради истолкования опознавательных меток примитивных народов и что необозримый материал эмблем и аллегорий общества, много менее книжного, чем наше, процветал во времена Возрождения. Приходит все более полное осознание того, что среди прочего, цивилизации, опирающейся исключительно на книгу, приходит конец. Четыре столетия филология наряду с математикой служила нам орудием интеллектуального прогресса. Это не только привело к тому, что человек стал более отвлеченным, но и привязало его к особым формам мышления, передаваемым посредством письма или с помощью математических символов. В итоге произошло очень четкое различие между образом к образности и формами, к которым причучено сознание. А мы, между тем, бесспорно, на пороге такой эпохи – и приключение, известное под именем абстрактной живописи, служит тому доказательством – которая предоставит нам новые возможности для пользования нашим зрительным восприятием. Настоящая экспозиция не только помогает нам уяснить огромную роль, которую не прекращали играть опознавательные знаки на протяже-

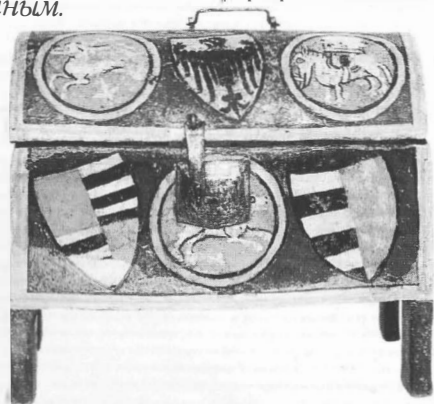

нии тысячелетий становления общественного порядка, но и дает материал для размышлений, которыми утруждают себя те, кто сегодня пытается полнее использовать способности и навыки, отображаемые фигуративными порядками, смеявшимися друг друга на протяжении истории человечества. [...] Цвет – одна из основополагающих категорий зрительного видения, и цвета позволяют подчеркнуть значимость ощутимых величин, точно так, как эта значимость подчеркивается линией или ракурсом. Цвет придает пространству основополагающую глубину – иначе говоря, подвижность – точно так же, как линия помогает разделению пространства. Все цивилизации, не ограничивавшиеся, подобно нашей, на протяжении последних пяти веков опорой исключительно на записанный язык, очень ценят цвет и различают множество цветовых оттенков. В наши дни, однако, эта способность к цветоразличению много более ограничена. Бесспорно, именно в силу этого обстоятельства все более развитые общества подчиняют язык цветов языку слов или абстрактных символов. Однако настоящая выставка может возбудить в нас стремление изучить, каким образом в примитивных обществах столь рудиментарные, в общей сложности, приемы фигуративного знака порождают такое разнообразие выразительной силы.

Пьер Франкастель,
«Опознавательные знаки»,
предисловие к каталогу
выставки «Эмблемы, тотемы,
гербы», действовавшей в музее
Гиме с марта по июнь 1964 г.

Идентификация безымянного герба

Попытка опознания неизвестного герба, обнаруженного на некотором объекте, памятнике, произведении искусства, часто оказывается просто неизбежной, поскольку иные способы определения «гражданского состояния» такого объекта без изучения герба почему-либо не работают. Однако идентификация герба – дело не простое. Есть немало причин, по которым наличный геральдический инструментарий оказывается не удовлетворительным или недостаточным.

Австрийский ларь XIV в.

Во всей Западной Европе от Средних веков осталось около миллиона гербов, да еще 10–12 миллионов датируется XVI–XIX вв. Никакой трактат, никакой гербовник, никакая база данных не в состоянии объять такой объем информации и предложить исчерпывающие принципы оценки, классификации и, тем более, управления всем накопленным геральдическим богатством.

Легче работать с меньшими количествами гербов – относящимися, например, к одному региону, одной эпохе, одному учреждению, к особой социальной или профессиональной категории. Подобное рассмотрение позволяет свести в некое сравнительно однородное, объединенное схожими признаками множество сотни, а порой и тысячи гербов. Такие гербовники помогают найти гербы некоторого владельца (физического или юридического лица, фамилии, рода), но методики оказываются почти бессильными, если дело касается анонимного герба, украшающего какой-нибудь витраж, ковер, картину, ларец с мощами или иной реликварий, либо фамильное серебро или столовый сервиз. В таких случаях чаще всего

имя владельца устанавливается по гербу, а не герб – по владельцу. И просто свести в достоверную геральдическую таблицу фигуры и цвета обнаруженного герба – это далеко не всегда помогает установить имя хозяина. Задача

опознания безымянного герба остается трудоемкой, затяжной, исследователь вынужден полагаться на свой опыт, но и искусственность далеко не всегда приносит плоды. Слишком уж велик разброс в предельных значениях обрабатываемых переменных, которые затрагивают не только пространственную и временную размерности, но также и категорию социальности.

В настоящее время с теми орудиями и базами данных, которыми мы располагаем, как правило, легче разбираться со средневековыми гербами, чем с более современными (особенно XVIII–XIX вв.), гербы Северной Европы идентифицировать проще, чем наследие Южной Европы, гербы знати узнаются скорее, чем гербы простолюдинов-ротюрье, а гербы физических лиц – лучше, чем эмблемы лиц юридических. Некоторые страны опознаются легче, благодаря запоминающимся особенностям репертуара: таковы Дания, Шотландия, Люксембург, Швейцария. К другим, напротив, трудно подобрать подходящий инструментарий, и потому задача нередко оказывается неразрешимой. Такова Испания, а Италия, наверное, в этом отношении еще труднее. Во всех музеях Европы и Америки есть итальянские изделия и произведения искусства с неопознанными гербами, идентификация которых позволила бы проследить пути предмета, а то и сразу же написать на табличке и дату, и область происхождения, и другие данные...

Во Франции положение такое же, как повсюду в Европе: северные области проще в работе, чем южные, потому что на их счет больше данных в гербовниках и каталогах. Попытки идентифици-

ровать гасконские, лангедокские или провансальские гербы, тем более XVI–II в., зачастую оканчиваются провалом. Напротив, поиск владельца нормандского, бретонского или фламандского герба XIV в. бывает обычно сравнительно простой задачей (хотя и здесь не исключено, что исследователь останется с пустыми руками). В общем случае работать с такими гербами, на которых изображено множество фигур, или даже однофигурными, легче, чем с простыми гербами (шит «по серебру червленый лев», к примеру, идентификации не поддается). Но сильно отягощенные гербы или чрезмерно защищенные четверчастные щиты также ставят множество трудных задач в плане индексации и идентификации. Исследователю приходится все время полагаться на свое «чутье», имея в виду не только ведение правил и осведомленность в каталогах и гербовниках, но и почерпнутое из тех же источников представление о многих вольностях в пользовании геральдическими правилами и о широком распространении геральдического произвола. Только многолетний опыт дает навыки, помогающие «ощутить» имеющуюся геральдическую информацию, отделить важное от малозначимого, а непосвященному подобные различия заведомо не по плечу. Налицо сбивающая с толку эзотеричность орудий гербовведения: одних способностей недостаточно, надо еще, что называется, «набить руку».

Обращение к компьютеру может зараннее избавить от многих совсем не неизбежных затруднений. Однако обрести «чутье» – это бесценное орудие любого поиска – в рамках логической или информационной программы невозможно.

Несколько советов по созданию гербов

Вопреки расхожему мнению, право на герб – вовсе не привилегия каких-то определенных классов или социальных категорий. На самом деле это право принадлежит всем на свете. Каждый может выбрать герб по своему вкусу и свободно пользоваться им, и единственное ограничение – нельзя пользоваться чужим гербом. Такое правило действовало еще в Средние века, и оно сохраняет свою силу до сего дня.

Во Франции после падения Второй империи геральдика утратила всякий официальный статус и никакого законодательства на этот счет не существует. Однако после Второй мировой войны суды признают за гражданами право на владение гербами в частном порядке, а сами граждане вольны обзаводиться гербами, не испрашивая разрешения у какой-либо инстанции. Постановление парижского апелляционного суда от 20 декабря 1950 г. впоследствии многократно воспроизводившееся иными судами, констатировало, что «гербы наслаждаются той же защитой, что и семейное имя» и что «юридические суды, полномочные рассматривать иски касательно имен, наследуемых по отцовской линии, равно полномочны и в тяжбах и исках, возникающих в связи с гербами».

Подобные тяжбы возникают подчас между двумя лицами или двумя семьями, пользующимися одинаковыми гербами. Случается, что речь идет о злонамеренном похищении эмблемы, хотя чаще совпадение или сходство оказывается случайным. Исчерпывающего или сколь-либо полного гербовника нет, как нет и центрального учреждения – вроде

коллегий в Англии, Шотландии или Нидерландах – для регистрации и более или менее действенной защиты всей совокупности гербов, имеющих хождение во Франции. Правило свободного обзаведения гербом и то обстоятельство, что речь не идет о графическом образе строго и

раз и навсегда установленного вида (тот самый герб может изображаться во множестве графических вариантов и при этом оставаться тем же самым гербом), делает такого рода регистрацию юридически ничтожной, пусть даже не слишком ценительные частные фондоры и обещают нечто подобное (да еще берут за это деньги!).

Так что, обзаводясь гербом, надо не брать герб, уже принадлежащий кому-то еще. Однако проверить это практически невозможно. Выходит, что лучший закон – это добрая вера. Тем более, что гербовая наука предоставляет безграничный простор для воображения.

Значит, если и нужно блюсти какие-то законы, то это – законы построения герба. В самом деле – нелепо брать герб и сразу же нарушать законы гербовой науки. Так поступают и при обзаведении логотипом. Правда, логотип – формула более гибкая и менее сковывающая, но не столь действенная, как герб. Выбору цветов и фигур очень не помешает хороший вкус. Стоит избегать пестроты и не отягощать щит сверх меры, превращая его в жанровую картинку. Это противно духу геральдики и не способствует созданию хорошего впечатления о носителе герба (случай многократно четвертованного герба – особый). К тому же в гербах с пятью, шестью, десятью разными фигурами, порой несовместимыми с правилами гербовой науки, порой в целом не противоречащих ей, эти фигуры не удастся даже толком изобразить, особенно если рисунок невелик, – например, на листах почтовой бумаги или визитных карточках.

Хуже всего, если о здравом смысле и традиции забывает на свое несчастье какой-либо город. Перегруженный герб –

очень плохая пропаганда и для самого города, и для геральдики. Правда, городу трудно удовлетворяться простым гербом, но приходится помещать на щите какие-то элементы, повествующие об его особенностях: прошлое, настоящее, виды на будущее, географическое местоположение, выдающиеся памятники истории и культуры, хозяйственная деятельность, реки, природные достопримечательности, образ святого покровителя, сказания, предания и факты героического прошлого – что-то из этого может быть отображено. Но не все сразу. Лучше всего, наверное, хранить верность самым древним геральдическим традициям и выбрать гласный («говорящий») герб. В некоторых департаментах есть Департаментская комиссия по геральдике, обыкновенно связанная с Дирекцией архивных служб, и такое учреждение порой может оказать существенную помощь начинающему геральдисту. В самом центре государства действует очень жизнеспособная Национальная Комиссия по геральдике – официальное учреждение, руководство которого находится в здании Национальных архивов, – и она тоже может оказать того же рода услуги, что особенно важно для граждан тех департаментов, в которых нет подобной Комиссии. Надо помнить, что Комиссия ничего не регистрирует, не защищает и не продает – это чисто консультативный орган советательного толка, очень полезный и действенный в этой роли.

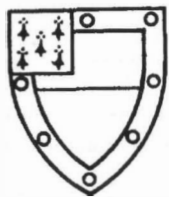
Все, что верно для городов и организаций, верно и для частных лиц: если уж обзаводиться гербом, то стоит стремиться к простоте и руководствоваться хорошим вкусом. Чаще всего можно удовлетвориться одной-двумя фигурами и двумя-тремя цветами.

Сотня слов, чтобы объясниться

Язык гербовой науки поначалу ничем не отличался от разговорного языка, в том числе во Франции, где, как и в Англии, расхождение между обыденной речью и геральдической терминологией постепенно увеличивалось и к сегодняшнему дню превратилось в настоящую пропасть. Нынешнему непосвященному речи геральдистов совершенно непонятны. И все же, вопреки укрепившемуся предубеждению, язык геральдики вовсе не герметичен и вполне постижим. Если не пожалеть пары-другой часов на ознакомление с сотней употребительных терминов и освоить несколько не столько даже замысловатых, сколько просто непривычных оборотов – и у читателя появится основа, достаточная для описания более чем 80% известных гербов.

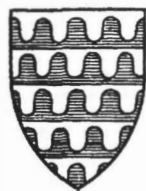
багрянец: эмаль серо-зеленого цвета (до XV в.), затем лиловый, фиолетовый или ярко-алый цвет.

безант: круглая фигура малой величины, всегда из золота или серебра.

Пересечение на серебро и лазурь с каймой зеленью в золотые безанты с вольной частью, вытканной горностаем.

беличий мех: мех, изображаемый колокольчиками из серебра и лазури попеременно, которые размещаются в несколько горизонтальных рядов.

Беличий мех.

вазилек: сказочный зверь, обыкновенно в образе дракона с петушиной головой.

вздыбленный: означает четвероногое, вставшее на задние лапы.

вилообразный крест: деление щита в виде буквы Y, соединяющее острие щита с двумя углами его главы.

волнистый: деления или сечения со слегка изогнутыми ограничивающими контурами.

На серебре вилообразный крест чернью.

Волнистые столпы серебром и чернью.

вольная часть: часть в виде квадрата, занимающая один из углов щита.

Шахматный щит золотом и лазурью с серебряной вольной частью со львом червленым.

вольная четверть: часть в виде квадрата, расположенная в углу щита, обычно правом, и занимающая четверть щита.

втулка: безант, но не золотой и не серебряный.

вытканый: фигура, наложенная поверх одной или нескольких и частично закрывающая нижнюю (нижние).

гербовник: перечень гербов с изображениями и/или описаниями на языке геральдики.

глава: деление, ограниченное снизу горизонтальной линией и занимающее верхнюю часть щита.

По серебру глава чернью.

гнутой: деление с изогнутыми ограничивающими контурами.

гонт: фигура небольшой величины в виде прямоугольника, обычно расположенного по вертикали; с гонтами [Billette]: щит или фигура, усеянные гонтом.

По золоту десять гонтов червленью в расположении 4–3–2–1.

гора: стилизованная фигура, изображающая горную вершину.

горностае: мех, изображаемый стилизованными хвостиками чернью, посеянными по серебряному полю.

По горностаю червленый арбалет Столпом.

гребень: эмблематическая фигура над шлемом поверх щита.

грифон: сказочный зверь с туловищем, верх которого, как у орла, а низ – как у льва.

движимость: фигуры, которые могут занимать на щите разные места (звери, растения, предметы и т. п.) – в противоположность делениям и сечениям, занимающим строго определенные места.

На черни три шахматных ладьи серебром.

двойкозазубренный: деление, чаще всего пояс, края которого симметрично зазубрены с двух сторон.

двуглавый: животное с двух головах – чаще всего орел.

деления: геометрические фигуры, получаемые посредством деления щита горизонтальными, вертикальными или диагональными линиями на нечетное число частей.

десница: правая рука, одесную – на правой стороне щита (для зрителя – на левой).

дроздица: фигура небольшой величины, изображающая стилизованную

По серебру пояс лазурью в сопровождении шести червленых дроздиц.

птицу сбоку и без лап и клюва (с XV в.).

жезл: укороченная лента.

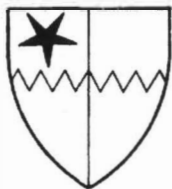
живой: деления, особенно пояса, контуры которых по краям оканчиваются заостренными зубцами большого размера.

По серебру живой пояс червью.

жужелица: стилизованная фигура из двух С-образных крючков спиной к спине и иногда соединенных горизонтальной перекладиной.

зазубренный: деление или сечение, граничные контуры которого выглядят как заостренные зубцы.

Рассеченный на червленый и серебро, во главе острозазубренный, серебро справа отягощено черненой звездой.

защищенный: 1. четвероногое, например, лев с когтями, выполненными эмалью иного цвета, чем само четвероногое; 2. равно относится и к человеческому существу или части такового (рука, ладонь и пр.), держащему какое-либо оружие или облаченному в доспехи.

звездица: маленькая геометрическая фигура в виде звезды с шести (подчас с пяти или восьми) лучах с круглым отверстием посередине.

зелень: (зеленый цвет): эмаль зеленого цвета (однако до середины XIV в. термин обозначал красный цвет).

золото: эмаль желтого цвета или, реже, позолота.

зубчатый: деление или сечение с зубцами по верхнему краю.

излом: изменение, вносимое в герб лица, которое, не будучи старшим в роду, не имеет права носить полный фамильный герб.

исходящий: зверь, изображаемый так, что видна только часть тела, и потому он кажется выходящим из какой-либо фигуры, деления или сечения или из краев щита.

кайма: деление, ограниченное линией, параллельной краям щита.

Серебро с каймой черню.

клейнод: украшения над щитом.

клинчатый щит, клинчатость: щит, рассеченный так, что его вид напо-

Клинчатый щит серебром и черню.

мнитает ветряную лестницу, что достигается наложением рассечения на пересечение и скошение справа и слева.

коронованный, см. увенчанный.

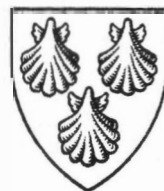
крестик: небольшой урезанный крест.

кружевной: деление или сечение с краями, отделанными небольшими закругленными зубцами, острия которых направлены наружу.

Лазурь, усеянная золотыми раскрещенными крестиками на кольничках с двумя вытканными спина к спине окунами, с серебряной кружевной каймой.

лазурь эмаль синего или голубого цвета.

По золоту три раковины лазурью.

ламбрекены: украшения в виде изогнутых или свитых лент, исходящих из

На лазури два серебряных стропила, в золотой вольной части вытканый червленый леопард.

шлема и обрамляющих щит по его внешнему контуру.

лента: перевязь, сокращенная по ширине.

лицом к лицу: говорится о двух фигурах, обыкновенно животных, обращенных друг к другу головами.

мелкозубчатый: деления и сечения с мелкими острыми зубчиками по краям.

мех: сочетание эмалей, объединяемых условно и стилизованно, предназначавшееся для изображения пушнины, которой подбивали щиты воины XII–XIII вв. Двумя главными мехами считаются горностай и белка.

надо всем: выражение, означающее расположение гербового щитка посередине четырехчастного щита над всеми четырьмя частями.

надчетверочастный щит: четверочастный щит, занимающий четверть большего, уже четверочастного, щита.

обратно перевязанный: щит или фигура, разделенные посредством обратной (слева направо) перевязи на четное число частей в разных эмалях.

обратная перевязь: деление, пересекающее щит по косой линии, идущей из левого (правого – для наблюдателя) угла в главе в правый угол острия (низа) щита.

одно в другом, на другом: говорится, если (две) фигуры вытканы на сечении и каждая из фигур содержит эмаль противоположной половины сечения.

оковка: говорится о щите, делении или сечении, отягощенном лентами прямой или обратной перевязи, кото-

По серебру оковка черню.

рые наложены друг на друга так, что образуется подобие корзины.

окунь: фигура в виде стилизованной, вытянутой в длину рыбы.

орех: небольшая фигура в форме ромба с пустым ромбическим пространством внутри.

На серебре орех черню.

орлик: фигура наподобие маленького орла, изображаемая без клюва и лап.

орлица: так называется фигура орла, если на щите их показано не менее трех.

острие: 1. низ щита; 2. треугольное деление, расположенное столпом и направленное своей заостренной частью к главе щита, но не касающееся ее. Может располагаться также поясом или перевязью.

остроплённый: щит или фигуры, разделенные четным числом одинаковых стропил (шевронов), заполненных попеременно двумя эмалями.

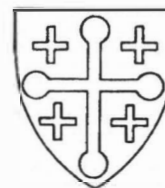
По зелени золотой пояс в сопровождении двух серебряных стропил.

отягощенный, -ая, -ое, -ые: фигура, на которой расположена одна или несколько фигур меньшего размера.

По лазури перевязь золотом, во главе отягощенная черным кольцом.

отягощенный в частях: так говорится о кресте, или Андреевском кресте, а также об иных фигурах, сопровождаемых в каждом из углов подвижностью.

На золоте лазурный крест о яблоках, отягощенный в частях четырьмя червлеными крестиками.

ощеренный, -ая, -ое, -ые: четвероногое, обыкновенно лев или леопард, язык которого в иной эмали, чем сам зверь.

перевязанный (прямо): щит или фигура, разделенные посредством (прямой – справа налево) перевязи на четное число равных частей в разных эмалях.

Щит, перевязанный серебром и черню.

перевязь (прямая): деление, пересекающее щит с правого (для зрителя – левого) угла в главе щита к левому углу его острия (низа).

По серебру перевязь черню.

пересечение: 1. сечение, делящее щит или фигуру на равные части посредством горизонтальной линии; 2. говорится о членах какого-либо животного, расчлененных некоторым недвусмысленным образом.

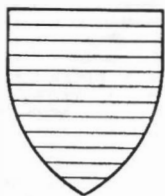
Пересечение серебром и черню.

повернутый: 1. животное, изображенное в профиль и повернутое к левой стороне щита; 2. иногда говорится о стропиле или полумесяце, острия которых направлены к левому краю щита.

полет: стилизованная фигура, составленная из двух соединенных крыльев, расположенных спина к спине так, что острие соединения направлено вверх.

полоса: пояс, ширина которого уменьшена и который размещен на щите не менее пяти раз.

полоска: так называется пояс, повторенный на щите столько раз, что щит делится не менее чем на десять равных частей.

В полоску золотом и зеленью.

пояс: деление, ограниченное с двух сторон параллельными линиями, пересекающими щит по горизонтали.

По серебру два пояса чернью.

препоясанный: щит или фигура, делящиеся по горизонтали на четное количество равных частей в разных эмалях. Если число частей больше десяти, то пояс называется полоской.

Препоасанный щит серебром и чернью.

природный (в натуральном цвете): фигура в естественных цветах, а не в эмалях, обыкновенных для гербов.

простой: щит лишь в одной эмали без фигур.

противобеличий мех: мех, отличающийся от беличьего тем, что используются не лазурь с серебром, а другие эмали.

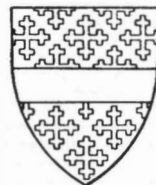
пряжка: стилизованная пряжка со шпеньком.

На золоте три червленые пряжки.

пурпур. см. багрянец.
пятилистник: стилизованный цветок с пятью заостренными лепестками.
разлапистый: крест, или Андреевский крест с утолщениями на концах перекладин.

раскрещение: крест или крестик, концы перекладин которого оканчиваются меньшим крестом.

По лазури, усеянной золотыми раскрешенными крестиками, вытканый серебром пояс.

рассеченный: щит или фигура, разделенные на две равные части вертикальной линией.

Рассеченный на червленый с серебряным львом, увенчанным золотой короной, и серебро с внутренней каймой зеленью.

расцветенный: деления или сечения, на концах ограничиваю-

По золоту расцветенный крест чернью.

щих их контуров украшенные стилизованными цветками или лилиями.

рогатый: рогатое животное с рогами в иной эмали, чем само животное.

родящийся: зверь, представленный на щите только верхней половиной туловища и кажущийся появляющимся в середине щита – как бы вылезавшим из-под щита.

рожок: геральдическое наименование охотничьего рога.

На лазури золотой рожок, подвязанный серебром.

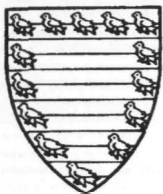
ромбированный: щит, деление или сечение, которые разбиты косыми линиями на ряды ромбов в разных эмалях.

Щит в ромб золотом и чернью.

с безантами: деление или движимость, усеянные безантами.

с внутренней каймой: кайма

Вполоску золотом и лазурью с внутренней каймой вытканными червлеными дроздищами.

уменьшенной ширины, не касающаяся краев щита.

с клейнодами: щит под украшениями.

с клювом: говорится о птице с клювом в иной эмали, чем сама птица.

с лилиями: говорится о любой фигуре, но прежде всего о кресте, окончания которой/которого завершаются лилиями.

с лоскутами: малая фигура в виде горизонтальной поперечины, к которой снизу крепятся несколько прямоугольных (в Средние века) или трапециевидных (в Новое время) выступов.

По золоту оковка лазурью с тремя червлеными лоскутами, отягощенными вытканными серебром львами.

с якорем: крест, или Андреевский крест, равно как и иные фигуры, окончания которых завершаются якорями.

сердце(вина): 1. малая фигура в виде сердечка; 2. центр щита.

На лазури серебряный Андреевский крест, отягощенный в сердцевине червленым полумесяцем.

сечения: геометрические фигуры, получаемые делением щита посредством вертикальных, горизонтальных или диагональных линий на четное число равных частей в разных (альтернативных) эмалях.

скошение слева: сечение посредством диагонали, опущенной из левого (для наблюдателя – правого) угла главы в правый угол острия (низа щита) и делящей щит пополам.

скошение справа: сечение щита пополам диагональю, соединяющей правый (для наблюдателя – левый) угол главы с левым углом острия (низа) щита.

Скошенный справа щит серебром и чернью.

совмещенный щит: рассеченный щит, объединяющий в себе два других – по щиту в каждой из половин.

По серебру червленая перевязь в сопровождении шести лазурных раскременных крестиков на колышках.

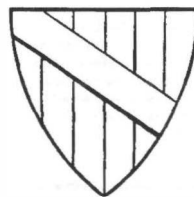
сопровождаемый: так говорят о главной фигуре щита, если по ее бокам расположены дополнительные фигуры.

спиной к спине: так говорят о паре фигур, обычно одинаковых, расположенных бок о бок тыльными частями навстречу.

спорно (вооруженный): так говорят о гербах, в силу каких-то причин построенных с нарушением правил геральдики (обычно нарушаются правила сочетания цветов), так что читающий герб должен вопрошать о причинах этого явления – оспаривать его.

стенчатый: деления, разбитые на равные квадраты или прямоугольники в разных (альтернативных) эмалях.

столп: деление, расположенное посередине щита и ограниченное с двух сторон вертикальными линиями.

По столпам серебром и лазурью перевязь, вытканная червленью.

По золоту черненый столп.

столповый: щит, деление, сечение и любая иная фигура, разделенные вертикальными линиями на четное количество равных частей в разных (альтернативных) эмалях.

Столпы лазурью и золотом с червленной перевязью, отягощенной вытканными серебром двумя орлицами и короной.

стропило (шеvron): деление в форме шеврона, острием своим направленное обычно к середине главы.

По серебру стропило чернью, отягощенное тремя золотыми полумесяцами.

тавровый: 1. деления и фигуры, окончания которых оформлены в виде буквы Т; 2. деления и сечения, украшенные по краям многими маленькими фигурками в виде буквы Т.

увенчанный: животное, увенчанное короной.

Вполоску серебром и лазурью с червлёным львом, увенчанным вытканной золотой короной.

угол. см. часть.

урезанный: укороченное деление, окончания которого не касаются краев щита.

усеянный: щит, деление и лобая фигура, отягощенные мелкой подвижностью в произвольном количестве.

хвостик: маленькая метка чернью в изображении горностаевого меха.

цвет: в гербовой науке так называются эмали: червлень, чернь, лазурь, зелень и багрянец (золото и серебро – это металлы).

целиком надо всем: говорится о щитке, расположенном над другим щитком, который сам уже выткан надо всем.

часть, угол: угловая зона, ограниченная перекладинами креста, или Андреевского креста.

червлень: эмаль красного цвета.

чернь: эмаль черного цвета.

По золоту крест чернью.

четверчастьскошенный, -ая, -ое, -ые: щит, разделенный Андреевским (косым) крестом.

По червлени Андреевский крест золотом под серебряной главой.

четверчастьный (щит): щит, разделенный на четыре части взаимно перпендикулярными вертикальной и горизонтальной линиями. Если разделяющий крест образован диагоналями, то такой щит называется четверчастьскошенным (см.).

Четверчастьный; в частях 1 и 4 по черни крест кружевной серебром, в частях 2 и 3 по золоту червлёный крест с якорями.

Четверчастьный скошенный чернью и золотом.

шатер: сечение в виде острого угла, ограниченное двумя наклонными линиями и обращенное своим острием к середине главы.

шахматный щит: сечение, образованное перпендикулярными вертикальными и горизонтальными линиями, так что возникает множество квадратов, закрашиваемых двумя эмалями.

Шахматный щит золотом и чернью.

шеvron. см. стропило.

шестующий: четвероногое, расположенное горизонтально и выглядящее идущим.

На черни золотой лев с раздвоенным хвостом.

щуйца: левая рука, ошую – на левой стороне щита (правой для наблюдателя).

щит: область плоскости, ограниченная периметром произвольной формы, внутри которого и размещается собственно герб.

щитодержатели: фигуры, внешние по отношению к собственно гербу, размещаемые по бокам щита и выглядящие поддерживающими его. Некоторые теоретики различают человеческие фигуры (поддерживатели), подпорки (растения и неодушевленные предметы) и опоры (звери).

щиток: малая фигура в форме щита, относящаяся к категории подвижности.

эмаль: геральдические цвета, не относящиеся к металлам (металлы – золото и серебро: червлень, чернь, лазурь, зелень, багрянец – эмали или собственно цвета).

Рассеченный на лазурь с перевязью золотом, отягощенной тремя червленными пятилистниками, и серебром с двумя червлёными поясами.

По книге М. Пастуро «Трактат о геральдике».